

Очень увлекательный детектив, пронизанный остроумием, словно солнечными лучами... не пропустите эту книгу.

Family Circle

Такое стоит отведать.

*Вэл Макдермид, шотландская писательница,
автор детективных романов*

Детектив, которым гордилась бы Агата Кристи... Прекрасно написанный криминальный роман.

The Times

Кэролайн Грэм обладает талантом изображать своих самобытных героев как живых и вместе с тем нагнетать страх и перемежать его юмором, и все это кружится в умопомрачительной пляске смерти.

The Sunday Times

Множество превосходных зарисовок человеческих типов... диалоги живые и убедительные.

Independent

Прочтите эту книгу, и будете приятно удивлены... очень волнующе, очень стильно и очень занимательно.

Scotsman

Давным-давно уже не читала такого детектива.

Сьюзан Грин, Good Housekeeping

Образцовый криминальный роман.

Literary Review

Каждый найдет в этом первоклассном детективном романе что-нибудь для себя.

Sunday Telegraph

Прекрасный детективный сюжет, мастерски разработанный.

Manchester Evening News

Книги Кэролайн Грэм не только отличные детективы, но и просто отличная литература.

Джули Бёрчилл, британская писательница

Постоянно возрастающее напряжение... множество живых сцен, колоритных персонажей и увлекательных сюжетных поворотов.

Mail on Sunday

Вам предстоит до самого конца теряться в догадках.

Woman

Чтение, от которого получаешь удовольствие: написано достойно и умело, со вспышками настоящего юмора.

Evening Standard

ДЕТЕКТИВЫ КЭРОЛАЙН ГРЭМ

Расследования старшего инспектора Барнаби

Убийства в Бэджерс-Дрифте

Смерть лицедея

Смерть под маской

Написано кровью

Пока смерть не разлучит нас

Там, где нет места злу

Призрак из машины

Другие романы

Убийство в Мэдингги-Грэндж

Зависть незнакомца

КЭРОЛАЙН ГРЭМ

ТАМ, ГДЕ
НЕТ МЕСТА ЗЛУ

УДК 82/89
ББК 84 (4Вл)6
Г91

A Place of Safety © Caroline Graham, 1999

Перевела с английского В. Л. Капустина

Оформление обложки Вадима Обласова

© Капустина В. Л., перевод на русский
язык, 2020

© Обласов В. Ю., оформление обложки,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2020

ISBN 978-5-6044370-1-8

Издательство «Пушкинского фонда» ®

*Моему другу Патриции Хулихан,
без которой ничего этого не случилось бы*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Каждый вечер в одно и то же время и в любую погоду Чарли Лезерс шел гулять с собакой. Миссис Лезерс, услышав, как закрылась калитка сада, окружающего их муниципальный блочный домик, смотрела сквозь тюлевые занавески, убеждалась, что муж действительно вышел, и тут же включала телевизор.

Мистер Лезерс обычно отсутствовал около получаса, но его жена ставила кухонный таймер на двадцать минут и после сигнала выключала телевизор, от греха подальше. Однажды муж вернулся раньше, подозрительно посмотрел на только что потухший экран и приложил к нему тыльную сторону руки. Экран был еще теплый. Хетти пришлось выслушать занудную лекцию: всякий дурак знает, что после десяти ничего путного не показывают, а лампы изнашиваются особенно сильно в темное время суток. Однажды она имела неосторожность спросить его, кто платит за телевидение*, — после этого он не разговаривал с ней три дня.

Однако в ту ночь — или в интересующую нас ночь, как назовут это полицейские, когда выяснится вся ее значимость, — его не было гораздо дольше обычного. Хетти

* Телерадиокомпания Би-би-си взимает с британцев своеобразный налог за право доступа к ее программам. В 2019 г. он составлял 154,5 фунта (195 долларов) за цветное вещание и 52 (195) за черно-белое. Это основной источник ее финансирования, поскольку она не размещает коммерческую рекламу. — *Здесь и далее, кроме помеченных особо, примеч. ред.*

могла бы досмотреть очередную серию «Еще по одной»* до самого конца. Всего лишь повтор, конечно, но она так любила этот сериал, бесконечно далекий от ее каждодневной рутины.

Яркий лунный свет лился на лужайку, озаряя знак «Древня образцового содержания» и любительски исполненный герб Ферн-Бассет. Это была несколько притяннутая за уши, основанная на местном фольклоре комбинация: восставший на задние лапы герольдический барсук, пара снопов пшеницы, скрещенные крикетные биты и ядовито-зеленая, оттенка лайма хризантема.

Чарли Лезерс перешел по стриженной траве через деревенскую лужайку на тротуар. Метнул суровый взгляд в темную массу недостроенных новых домов, строительную технику возле паба и попутно пнул груды кирпичей. Миновал несколько викторианских коттеджей и замечательное в своем роде современное строение, почти целиком стеклянное, которое лунный свет омывал серебряным дождем. Еще несколько ярдов — и Чарли оказался на кладбище, за которым начинался лес, Картерс-Вуд. Лезерс шел быстро, с сердитой, неистовой энергией, которая руководила всеми его движениями. Чарли вообще никогда не расслаблялся, даже во сне вздрагивал и подергивался, а иногда размахивал судорожно сжатыми кулаками.

Джек-рассел-терьер старательно трусил за хозяином, то и дело задирая морду и опасно пытаясь заглянуть ему в глаза. Отставать не разрешалось, ни усталость, ни мучительная жесткость камней под лапами не считались оправданием. Суровый рывок поводка или болезненный щелчок по нежному собачьему носу заставляли поторапливаться. Остановка была дозволена только одна — ради дела, для которого и вывели. Прыгая на трех лапах, собаке удалось

* Героини этого ситкома Би-би-си (известного также под названием «Просто фантастика»), две обеспеченные зрелые дамочки, многое себе позволяют и охотно следуют всем веяниям моды. В России сериал шел в 2009 г. на канале Эм-ти-ви.

пописать. Между тем восхитительно богатые и разнообразные запахи, сгущенные вечерней прохладой, так и остались непознанными.

Не успела Кэнди, которую протащили сквозь густые колючие заросли ежевики и другой подлесок, обрадоваться мягкой листовой подстилке под лапами, как ее тут же дернули вбок и неуклюже развернули, чтобы вести домой.

Они должны были подойти к переулку Толл-Триз-лейн, где жил Чарли, с другой стороны. Путь их лежал мимо полуразрушенных одноэтажных домишек, нескольких богаделен, деревенского магазинчика и церкви Святого Мученика Фомы. Дальше текла река, и только за ней снова заявляли о себе деньги.

Мисбурн — река глубокая и быстрая. Встречая на своем пути небольшую плотину в нескольких сотнях ярдов ниже по течению, она словно бы недовольно шипела, издавала негромкий свист, который мешался с шелестом листьев в неподвижном ночном воздухе. Через реку был перекинут каменный мост с невысокими, фута в три, резными перилами.

Чарли как раз переходил его, когда вдруг услышал крики. Он замер и прислушался. Ночью трудно определить источник звука, и сначала он решил, будто взвинченные, злые голоса доносятся из муниципальных домов, жителям которых решительно наплевать, слышит ли кто их ругань. Но через минуту голоса зазвучали громче — должно быть, в доме открыли дверь, — и Чарли понял, что звуки долетают от ближайшей к церкви постройки — старого дома викария.

Метнувшись на кладбище, Чарли спрятался за живую изгородь из тиса и встал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Он все наматывал и наматывал на руку поводок Кэнди, пока бедная собака не захрипела, задыхаясь. Хозяин шикнул на нее, приказывая вести себя тихо.

Свет из открытой двери хлынул на крыльцо. Из дома выскочила девушка и выкрикнула что-то через плечо. Что-то неразборчивое из-за громких всхлипываний. Вслед ей неслось страдальческое:

— Карлотта, Карлотта! Подожди!

Девушка промчалась по подъездной аллее, и Чарли отпрянул за угол изгороди. Напрасная предосторожность: хотя беглянка и промелькнула в нескольких футах от него, она ослепла от слез, заливших лицо.

— Вернись!

Еще одна бежит. Гравий зашуршал под стремительными шагами, и мимо пролетела вторая женщина, постарше, но не менее расстроенная.

— Оставьте меня!

Добежав до моста, девушка замерла и обернулась. Вздумай она бежать дальше, путь был бы свободен, но у Чарли создалось полное впечатление, будто перед ним дикий зверь, загнанный в угол.

— Я не хотела ничего плохого!

— Я знаю, Карлотта. — Женщина осторожно приблизилась к ней. — Все хорошо. Не надо...

— Приехать к вам — это был мой последний шанс!

— Ну, полно, полно, — уговаривала женщина, — успокойся.

Девушка села на перила.

— Ради бога...

— Меня отправят в тюрьму.

— Не надо...

— Я думала, здесь я в безопасности!

— Ты и была... ты и есть в безопасности! Я же сказала...

— Куда мне еще идти? — Обессилевшая от рыданий девушка уронила голову на грудь, качнулась назад, коротко вскрикнув, но удержалась. — Что со мной теперь будет?!

— Ну, что за глупости, — женщина подалась вперед, в лунном свете ее лицо и волосы казались призрачными, — ничего с тобой не случится.

— Лучше бы мне умереть! — Девушка взвинчивала себя все сильнее, снова закрыла лицо руками, зарыдала и начала опасно раскачиваться взад-вперед на перилах.

На мгновение скрывшись из виду, женщина возникла вновь. Как-то незаметно. Пропала и вдруг появилась уже рядом с девушкой. Обхватила руками стройные икры.

— Слезай, Карлотта, слезай! Я подам тебе руку...

— Не трогайте меня!

Пока все это происходило, Чарли Лезерс подался вперед, затаив дыхание. Втянутый в чужую драму, он уже не заботился о том, чтобы остаться незамеченным. Слишком велико оказалось возбуждение.

Луна скользнула за облачко. Деталей было уже не разобрать, но и оставшегося света хватало, чтобы очертить темный колеблющийся силуэт, гротескно длинный, как будто одна женщина балансировала на плечах у второй. Несколько секунд они боролись, тяжело дыша, отклоняясь то назад, то вперед.

Девушка снова закричала:

— Не трогайте меня... не толкайтесь!

За этим последовал истошный вопль и всплеск, как будто что-то тяжелое ударилось о воду. Потом тишина.

Чарли отступил назад под защиту живой изгороди. Он весь дрожал, нервы расходились. Прошло какое-то время, прежде чем он собрался с силами и пустился в обратный путь. И когда это наконец произошло, не один человек наблюдал за его возвращением, потому что английская деревня, каким бы тихим местом она ни казалась, никогда не спит.

Например, Валентин Фейнлайт и его сестра Луиза в своем красивом стеклянном доме доигрывали драматическую партию в шахматы. Валентин играл со свирепым воодушевлением и решимостью победить во что бы то ни стало. В предвкушении того, как схватит с доски несколько фигур и станет победно ими потрясать. Луиза, более сдержанная, но не менее жаждущая взять верх, сохраняла спокойствие. Она холодно вато, одними уголками рта улыбалась своему удачному ходу, но не выказывала ни разочарования, ни недовольства перед лицом неудачи.

— Шах и мат! — Он перевернул доску, и фигуры из темно-синей эпоксидной смолы, стилизованные под мифических тварей и воинов, со стуком попадали.

Луиза сразу встала и отошла от стола.

— Не дуйся, Лу. Все честно. Верно ведь?

— Честно... Насколько с тобой вообще может быть честно.

— Я бы не отказался от стаканчика чего-нибудь.

Пока — и этого нельзя было отрицать — его вполне устраивало общество Луизы. Валентин колебался, когда она спросила, может ли к нему перебраться. Конечно, ему было жаль сестру. Крушение брака стало для Луизы серьезной травмой. Впервые в жизни ей нанесли рану глубже тех, которые наносила она сама. Но все обошлось. В общем и целом.

Чтобы не волновать брата и подчеркнуть временный характер своего пребывания в его доме, Луиза приехала с двумя маленькими чемоданчиками. Через месяц она перевезла и остальную свою одежду. Потом книги и окованный железом сундук со всякой всячиной, дорогой лишь в силу воспоминаний и не имеющей никакой ценности для других людей. Ей так больно было их упаковывать (и почему люди отказывают им в ценности?), что ящик до сих пор так и стоял в гараже нераспакованным.

— Капля «каза порта» не повредила бы.

Луиза стала задергивать шторы. Очень длинные и пышные, они почти ничего не весили, поскольку ткань их, усеянная бледными звездами, была тонкой, как паутина. Между промежуточным ярусом, подвешенным к огромному верхнему этажу на стальных тросах, и внешней стеной имелся зазор, и шторы проходили через него, ниспадая с самого верха до самого низа, добрых сто футов в длину. Задергая занавес, Луиза всегда чувствовала себя рабочим сцены в театре перед началом спектакля. Где-то на середине комнаты она остановилась.

— А вот и Чарли Лезерс со своей бедной собачкой.

— Ну, надо же...

— Почему нужно над всем издеваться?

— Ну не над всем.

«Да, не над всем, — подумала Луиза. — Если бы над всем!»

— Ты становишься деревенской кумушкой, дорогая моя. Подглядываешь из-за занавесок. Еще немного — и вступишь в «женский институт»*.

Луиза с минуту смотрела в темноту, различая лишь очертания деревьев и сплошные черные пятна домов. Она представила себе спящих людей. Или неспящих, тех, кого одолевают ночные страхи, мысли о болезнях, о старости и увядании. Когда она уже собралась идти дальше, увлекая за собой нежный муслин, послышался голос брата:

— Погоди-ка!

Луиза замерла. Она прекрасно знала, *что* за этим последует, и постаралась намеренно притушить свои мысли, сделать их бесцветными и монотонными. Тут больше нечего было обсуждать. Они уже давно исчерпали все доводы. В каком-то смысле она тоже все это проходила, так что могла даже сочувствовать ему.

— Синяя дверь открыта?

— Слишком темно, не видно.

— А свет горит?

Старый дом викария заслоняли деревья, но гараж, над которым надстроили квартиру, слегка выдавался и был хорошо виден.

— Нет.

— Ну-ка посмотрим.

— Вэл, ну что там смотреть!

— Считаю это моим капризом, дорогая.

Они стояли и вглядывались в ночную темноту. Луиза старалась не смотреть на лицо брата, исполненное чувственного голода и страстной нежности. Они ждали несколько минут, потом Луиза взяла руку Вэла и сочувственно потерлась об нее щекой. В этот момент мощный свет фар ослепил деревенскую улочку, и на подъездную аллею, ведущую к дому викария, свернул автомобиль.

* Подобные организации в сельской местности объединяют женщин, организуя их досуг.

Энн Лоуренс не спала. Но, услышав хлопок входной двери и шаги мужа, поднимающегося по лестнице, она юркнула в постель, закрыла глаза и затихла, мысленно благодаря Бога за то, что спит с супругом в разных комнатах. Лайонел открыл дверь ее спальни, ничуть не понижая голоса, произнес имя жены, подождал немного, досадливо вздохнул и резко закрыл дверь.

Энн снова встала и принялась бесшумно расхаживать по выцветшему бледно-желтому ковру обюссон. Остановиться она не могла. Ни на секунду. Места себе не находила с того самого жуткого мгновения на мосту, когда Карлотта выскользнула из ее рук и утонула. Теперь уж наверняка утонула.

Энн бежала вдоль берега и звала ее, кричала, вглядываясь в темную, бурлящую воду. Бежала, пока не обессилела. В конце концов она добралась до плотины, до узкой полоски белеющей в лунном свете, кипящей пены. Ничего. Ни малейших признаков жизни.

Подавленная, она побрела обратно в деревню. Ее мучило от страха. Что она могла сделать? По ее часам выходило, что после несчастного случая прошло около получаса. Что толку теперь кому-то о нем сообщать? С другой стороны, как можно не сообщить? Предположим, Карлотта чудом не утонула, ее вытащили из воды где-то за плотиной. А вдруг она сумела ухватиться за нависающую над водой ветку? Упрямо держится, промокшая и замерзшая, и ждет помощи.

Теперь Энн поняла, что совершила ужасную ошибку, бросившись бежать по берегу и звать Карлотту. Она сделала это инстинктивно, повинувшись естественному порыву. Ей следовало сразу кинуться к ближайшему телефону и набрать номер службы спасения. Спасатели бы точно приехали раньше чем через полчаса. И у них есть необходимое оборудование, фонари, веревки, а еще ныряльщики.

Телефонная будка была около паба «Красный лев», мирного и спокойного сейчас, когда гуляки разошлись и хозяин опустил рольставни. Сжимая трубку в потной ладони, Энн трижды ткнула в цифру «девять». Когда спросили, какая именно служба ей нужна, она замялась, но потом

сказала, что полиция. Они сами вызовут скорую, если понадобится.

Она объяснила ситуацию довольно сбивчиво, но все же там поняли, что человек упал в реку, что его быстро унесло течением и поиски, предпринятые сразу после того, как это случилось, ничего не дали. Точное место она назвала, а услышав вопрос о времени, тупо уставилась на свои часы, не в силах разобрать цифры на циферблате. Сказала, что точно не знает. Может, полчаса назад. Может, раньше. А потом оператору на том конце провода понадобилось ее имя.

Энн уронила трубку, провод спружинил, трубка клацнула о стеклянную стену будки. У женщины внезапно перехватило дыхание, как будто кто-то схватил ее за горло. Энн застыла от захлестнувшего ее ужаса. *Имя*. Как она может назвать им свое имя? Воображение сделало рывок в будущее, и она увидела свое имя напечатанным крупными буквами на первой странице местной газеты, а может, и центральных газет. Она представила себе последствия. Как будет огорчен муж, и как все это отразится на его репутации. Как горько он будет разочарован: жена не только не смогла внушить Карлотте чувство покоя и безопасности, в котором та остро нуждалась, — она по сути дела выгнала девушку из дома. Вот как это будет выглядеть.

Энн затаил водоворот горестных мыслей. Вынырнув через несколько минут, разбитая, готовая разрыдаться, она обнаружила, что положила трубку на рычаг.

К счастью, никто не видел, как она возвращалась домой. Взглянув на себя в зеркало возле входной двери, Энн пришла в ужас. Брызги грязи на лице. Насквозь промокшие носки и туфли. Она вспотела, пока бегала по берегу, теперь пот испарялся, и ее трясло от холода.

Даже не сняв пальто, она включила воду, чтобы набрать ванну. Гель «Радокс», которым пользовался муж («успокаивает любую боль, снимает напряжение и усталость»), она оставила без внимания и потянулась за «пенной с чувственным ароматом» от «Молтон Браун». Это был подарок на Рождество от Луизы Фейнлайт. Восхитительный запах, прекрасно пенится, и уж точно лучше «Радокса» снимет на-

пряжение и облегчит боль. Что до усталости, то ее не было. Никогда она не чувствовала себя менее сонной. Похоже, больше вообще никогда не уснет. Отвинтив колпачок, Энн без всякого удивления увидела, что бутылочка почти пуста, хотя она пользовалась пеной только однажды.

Она скинула одежду на пол, надела халат и спустилась вниз налить себе чего-нибудь выпить. Выбор был небольшой: херес «харвис бристоль крим» и остатки дубонне — муж капал немного в содовую и храбро отпивал глоток. Еще сироп «розис лайм джус».

Энн вздохнула. У нее было сильнейшее искушение слить все это в высокий стакан и надраться до бесчувствия. Она открыла огромный резной буфет и обнаружила в глубине, у самой задней стенки, бутылку кларета из супермаркета «Сейнсберис». Пять минут спустя, лежа в ароматной воде и глотая напиток с фруктовым вкусом, она кадр за кадром восстанавливала ужасные события последних двух часов. Даже не верилось, как грубо у нее выбили почву из-под ног. Как молниеносно ситуация вышла из-под контроля. Наверняка есть какая-то точка невозврата, какой-то поворотный пункт. Поведи она себя в тот момент иначе, ее, возможно, и не затянуло бы в воронку.

Все началось с пропажи сережек ее матери. Хрупкая изысканная вещь, розовые бриллианты и изумруды на аметистовой клипсе. Их подарили Энн на восемнадцатилетие вместе с карманными часиками на муаровой шелковой ленточке, ожерельем из гранатов и бирюзы и несколькими красивыми колечками, такими маленькими, что ей они налезали только на мизинец.

Энн искала носовой платок и вдруг заметила, что шелковый шарф черепаховой расцветки, под которым она хранила резную шкатулку с драгоценностями, сдвинут. Она открыла шкатулку. Серег там не было.

Энн редко надевала что-нибудь из драгоценностей. Жизнь, которую она вела, почти не давала ей возможностей носить такие прелестные вещи — чваниться ими, как выра-

зился бы ее муж. Мы не должны выставлять напоказ наше богатство, часто повторял он пресным, нарочито невыразительным тоном. И Энн всегда соглашалась, ни разу не заметила ему, что богатство-то на самом деле ее.

Дрожащими пальцами она перебрала остальное содержимое шкатулки. Пересчитала кольца, на мгновение прижала к груди ожерелье, потом сложила все обратно. Больше ничего не пропало. Она смотрела в зеркало на свое бледное лицо, на белесые ресницы, часто-часто моргающие от испуга. Нет, она не должна это так оставлять, и она этого так не оставит!

Она знала, *кто* взял серьги, но от этого становилось только хуже. Значит, предстоит открытое столкновение, то, от чего она, человек робкий и довольно закрытый, вся сжималась. Но разве был иной выход, кроме как рассказать о случившемся Лайонелу? Увы, это сулило крайне неприятные разборательства с участием всех троих. Энн будет изо всех сил делать вид, будто никого ни в чем не обвиняет. Лайонел из кожи вон вылезет, пытаясь понять, оправдать и извинить Карлотту. Та станет отрицать, что взяла серьги. (И что, спрашивается, тогда с ней поделаешь?) Либо разыграет свою обычную карту трудного детства. Начнет хныкать, что ничего плохого не имела в виду. Просто хотела примерить. Ведь никогда в ее несчастной, обделенной любовью молодой жизни не было ничего такого же ценного или красивого.

Энн почти наверняка знала, что Карлотта иногда надевает ее одежду. Чувствовала чужой, кислотоватый запах, исходящий от пары кофточек и платьев. Вещи и прежде пропадали. Довольно дорогие колготки в ромбик. Пара перчаток на меховой подкладке, оставленная в кармане пальто в прихожей. Исчезали и небольшие суммы денег из ее кошелька. Всего этого следовало ожидать от очередной «несчастненькой» Лайонела.

Подняв голову, Энн посмотрела в направлении комнаты Карлотты, откуда вечно доносился грохот тяжелого рока. Он рвал перепонки с момента пробуждения девушки до одиннадцати вечера: комендантский час ввел Лайонел, когда истощилось даже его терпение.

Обращаться с ней надо было осторожно. Прежняя жизнь Карлотты явно не отличалась стабильностью. Когда девица

переехала к ним, Лайонел настоятельно посоветовал Энн вести себя осмотрительно. Он убеждал жену, что любое, самое незначительное давление, самое мелкое буржуазное ограничение способны вывести Карлотту из равновесия. Правда, Энн пока не замечала за девушкой особой чувствительности. На самом деле, полагала она, это большой вопрос, кто кого выведет из себя.

Энн замутило, как ее мутило всякий раз, когда обстоятельства вынуждали к открытой конфронтации. Разозлиться она могла. Но демонстрировать это? Нет, лучше как-нибудь потом. Но, возможно, — Энн уже готова была идти на попятную — этого и не потребуются? Разве не следует, например, сначала удостовериться, что драгоценность действительно пропала?

Испытав облегчение оттого, что все откладывается, Энн вынула верхний ящик, выложила его содержимое на кровать и стала тщательно перебирать нижнее белье и колготки. Сереежек не обнаружила. Проверила другие два ящика. Результат тот же.

Она вспомнила, когда последний раз надевала их. Это была годовщина маминой смерти. Она отнесла на могилу свежие цветы. Пока взрослая Энн наливала воду в каменную вазу и тщательно расставляла в ней желтые розы с бутонами, похожими на язычки пламени, шестилетняя Энн снова испытала боль утраты и безумное желание, чтобы мама появилась хотя бы на миг. Успела увидеть, что на Энн ее серьги. Что Энн не забыла. Что она никогда не забудет.

Музыка вдруг стала невыносимо громкой. И то ли само это грубое и отвратительное вторжение в ее печальные мысли, то ли укрепленная им уверенность, что девушка действительно украла одну из самых дорогих ей вещей, подвигли Энн к решительным действиям. Она почти бегом, спотыкаясь, поднялась по лестнице на чердак и стала колотить в дверь.

Музыку между тем включили на полную громкость. Бас-гитара ударила по барабанным перепонкам, ворвалась и заполнила голову Энн. Деревянные дверные панели тряслись, дощатый пол дрожал под ногами. Охваченная гневом — это

мой дом, мой! — Энн замолотила в дверь кулаками, до ссадин на костяшках пальцев.

Музыка смолкла. Мгновением позже в раскрытой двери появилась Карлотта, стояла, вписавшись в дверной проем, в своих пыльных черных джинсах и в майке. На ногах — раздолбанные кроссовки. Длинные спутанные темные волосы подхвачены мятой лиловой лентой. Выражение лица — как обычно, когда они оставались дома вдвоем, — издевательское. Она пригнулась под прикрепленным к притолоке листком с надписью «Береги голову», вышла за порог и встала перед Энн, загородив ей проход в комнату.

— Проблема, миссис Лоуренс?

— Боюсь, что да.

Энн храбро шагнула вперед, и Карлотта, удивленная ее внезапным движением, посторонилась. Она не вошла вслед за Энн. В комнате был жуткий беспорядок, воняло сигаретным дымом.

— И что за проблема?

— Кажется, я не могу найти мамины серьги.

— И?..

Энн набрала в грудь побольше воздуха:

— Я хотела спросить, не...

— Не украли ли я их?

— Может... взяла поносить?

— Я не ношу старушечье барахло. Но спасибо за предложение.

— Они еще несколько дней назад были в моей шкатулке с драгоценностями...

— Вы считаете, что я вру? — Вместе с этими словами, искривившими тонкие ярко-красные губы, в Энн полетели брызги слюны.

— Конечно, нет, Карлотта.

— Ну, общите комнату. Давайте!

«Она знает, что я этого не сделаю, — подумала Энн. — Особенно когда она стоит здесь и смотрит». Было бы неплохо наказать Карлотту за наглый блеф, но Энн боялась, что не перенесет унижения, если не найдет серьги. И ужасной сцены, которая разразится, если найдет, боялась тоже.

Интересно, драгоценности уже заложены или проданы? От одной мысли об этом Энн замутило. Она представила дорогие ей вещи в опытных, грязных руках перекупщиков. И как деньги — малая толика того, что они в действительности стоят, — переходят из рук в руки. Именно это гадливое чувство подсказало ей следующие, опрометчивые слова:

— Если ты все-таки знаешь что-то о них, я бы хотела, чтобы завтра они были на месте. Иначе мне придется рассказать об этом моему...

Девушка ворвалась в комнату, едва не сбив Энн с ног. Карлотта металась, выдергивая выдвигающие ящики и вываливая на кровать содержимое: косметика, колготки, нижнее белье, лак для волос. Пудра просыпалась, и в воздухе повисла бежевая пыльца. Она сдирала постеры со стен, вытаскивала старую одежду из шкафа, сбрасывала подушки с кресел, трясла журналами, в ярости рвала страницы.

— Кажется, тут нет, верно? И тут, черт возьми, тоже! И тут нету!

— Нет! Карлотта, *пожалуйста!* — в ужасе воскликнула Энн. Она увидела, что девица всхлипывает. — Послушай, все это неважно. Должно быть, я просто ошиблась.

— Вы все равно ему скажете, я вас знаю! Любой повод хорош, чтобы от меня избавиться!

— Это неправда! — слишком уж горячо возразила Энн.

— Вы не знаете, каково там, верно ведь? Зажравшаяся сучка! Ни хрена не понимаешь!

Энн опустила глаза. Что она могла ответить? Это правда. Она не знала, каково там. Она ни хрена не понимает. Дикий рык продолжался:

— Вы хоть немного соображаете, что для меня значит возможность быть здесь? Там, откуда я, люди хотят друг другу зла, понятно? — Она утерла рукавом распухшее от слез лицо. — Они хотят навредить тебе, физически. И теперь он отправит меня обратно!

Тогда она и выбежала. Вот только что выкрикивала Энн в лицо обвинения и разбрасывала по комнате книги — а через минуту нет ее. Скатилась по лестнице, метнулась в прихожую, а потом выскочила в ночь.

На этом месте Энн, лежавшая в остывшей воде, попыталась остановиться, перекрыть доступ страшным воспоминаниям. Она вылезла из ванны, закуталась в банный халат, взяла бокал с кларетом и перешла в спальню. Отпила немного вина, но от него ее только затошнило, так что она просто легла в постель и стала молиться о забытии. Но уснула Энн лишь на рассвете.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующий день в деревне и во всей округе пошли разговоры о том, что кто-то вроде упал в реку неподалеку от Свон-Миррен. Доставщик молока из фирмы «Рен Дэвис», чей двоюродный брат жил поблизости от места трагедии, рассказал, что в полночь приезжала полиция. И скорая. Брат молочника, его жена и соседи вышли посмотреть, что происходит, но полицейские вели себя довольно неприветливо. Задали несколько вопросов, однако ответы ничего им не прояснили. После чего полицейские двинулись вниз по реке, и больше брат молочника их не видел.

Ажиотаж улегся, не набрав полной силы, и тем не менее жители Ферн-Бассет успели сделать из этой истории конфетку. Драмы были в дефиците, с тех пор как во время церковного праздника свинья, о весе которой оставалось теперь лишь гадать, вырвалась из хлева и понеслась по улицам, словно ею овладел амок, опрокинув несколько прилавков и разметав киоск с прохладительными напитками.

Утром в понедельник очередь за пенсией на почте единоголосно постановила, что дыма без огня не бывает. Полиция просто так приезжать не станет, и полицейские, конечно же, скрывают истинное положение вещей, имея на то веские причины. Но рано или поздно обо всем расскажут в программе «Свидетель преступления»*. Участникам дискуссии

* В этой телепрограмме реконструируют нераскрытые преступления, чтобы широкая публика могла снабдить полицию недостающей информацией.